

Очередной номер «Сибири» предлагает читателю много интересных материалов. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим в своей статье «Вечная память. О русских погостах» обсуждает то, что давно наболело: отношение наших современников к памяти о предках. *«Тяжело смотреть на покосившиеся кресты, разрушенные памятники, свалки, забивающие проваленные могилы»,* — пишет иркутский владыка.

Очевидно, «потеря памяти» досталась нам от атеистических советских времён. Тогда посещение погоста довольно часто было лишь моральным долгом, «актом вежливости» по почившим родственникам и друзьям». Пришла пора менять этот взгляд. «Невыносимая лёгкость бытия», как называл это Милан Кундера, в сознании новых поколений проходит. Уже нет прежней, свойственной атеистам уверенности, что имеет значение только их единственное земное существование. Всё меньше у могил столиков для поминальной трапезы с вином и закуской. В прежние времена мы за теми столами больше себя утешали, принимая «лекарства» от скорбных мыслей. Теперь таких трапез очень мало. Меньше остаётся крошек воронам. На столиках всё чаще можно увидеть книжки с названием «молитвослов». Посерьёзнел народ. Осознанная возможность вечной духовной жизни превращает погост в мост между мирами.

Митрополит напоминает, что *«ещё Александр Пушкин, вершина русской культуры, сетуя о чванливом беспамятстве современного ему дворянства, раздражённо воскликнул о том, что отношение к дедовским гробам отличает невежество от просвещения».*

Но если бы только речь шла о «просвещении». Здесь мало соблюдать почтительность, уважать обычай. Отношение к погостам не только элемент общей культуры. Представителя нашего менталитета одними моральными наставлениями не проймёшь. Особенно сейчас. Соотечественника надо убедить так, чтобы он всем своим нутром почувствовал всю огромную метафизическую значимость наших отношений к погостам, к памяти о близких, к самой смерти. И этой цели исправно служат откровения священников и других авторов журнала «Сибирь». Как сильно и точно сказано в статье митрополита Вадима: *«Над каждой могилой, этой пуповиной, сокровенно связующей нас с Божьим Царством, сияет свет любви...»*

Наши нынешние города нуждаются не только в новом дизайне и инженерной инфраструктуре 21-го века. Они нуждаются в «расчистке» от атеистических наслоений в виде сооружений, заслонивших от нас духовные символы нашего исторического бытия. Веришь владыке всей душой, когда он утверждает: *«Научим детей наших благоговейности перед святынями, одной из которых самой значительной и высокой является кладбище. Отсюда начнётся устройство души и земли нашей. И спросится с нас отсюда и воздастся... Таким образом и приложимся мы к роду своему и народу своему! И воссияют наши города и веи чистотою и довольством, покоем и порядком!»*

На страницах журнала читателей ждёт поэзия высокого эмоционального накала. Ярko и свежо писал стихи красноярец Михаил Успенский. Открывающее подборку произведение я слышал в его собственном авторском исполнении. Стихи о странной девушке поэт читал как отрывок из трагического спектакля, где он играл роль, так же страдал и недоумевал по поводу жестокости этого мира:

*Она стояла надо всем
И детским изумлённым взглядом,
Как спрашивала: что вам надо,
Скажите, что вам надо всем?!*

...К нам обращался поэт, озирая всю компанию студентов, и было стыдно, что мы бросили героиню стиха на произвол судьбы, что мы:

*Смеялись, пили, песни пели,
Но не влюбиться не успели,
Не наглядеться в очи ей!*

Порой сожалеешь, что поэт постепенно перешёл на прозу. В студенческие годы в нём «играл» озорной бесёнок. Такой же, как в раннем Маяковском.

*...Но зато я видел —
в ателье «Новинка»
красную рубаху примерял палач...*

Так пишет Успенский. Кажется, в это же самое время где-то рядом в парикмахерскую пришёл ранний Маяковский и попросил парикмахера «причесать ему уши». Как драгоценны периоды оживления в литературе, когда поэты не боятся быть предельно искренними, не боятся выпускать на волю свою творческую фантазию, с мальчишеским озорством рискуют, не думая о мнении критиков... Но Успенский не раскрылся до конца как поэт.

Поэзия представлена так же стихами *Александра Орлова. Любови Сухаревской*, Царство Небесное ей, стихами *Рады Черноусовой, Елены Поповой и Надежды Миляевой*. Чуткого к музыке слова читателя удивят неповторимые интонации каждого из авторов, которые отказались от привычных и давно надоевших зарисовок на темы природы с лёгким философским подтекстом. Мы слышим живую речь, сопереживаем живому чувству. От простой описательности поэты переходят к внутреннему драматизму. Одна строка «Ахматова гордо грустила» стоит целого исследования литературоведа о творчестве поэтессы. Надежда Миляева нашла единственно верное определение. У нашей великой и классической Анны Ахматовой — всё так... гордо, даже грусть! А гордость ахматовская — субстанция особая. Скорее всего, она не та «гордыня», что осуждается Святыми отцами христианства как источник всех других грехов. Она идёт от осознания своей великой миссии поэта, от детства в Царском Селе — рядом с пушкинским лицом, от медового месяца в Париже. Ах, если бы дал Господь всем нашим поэтессам эту пушкинскую статью... эту ахматовскую «осанку», её чувство ответственности за своё слово... И тягу к духовной высоте! По поводу последней... не даёт мне покоя стих Фёдора Тютчева «Проблеск» с пронзительными строками:

*Как верим верую живую,
Как сердцу радостно, светло!*

*Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!*

*Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем...*

А ведь как верно! Как тянет в суету повседневности обыденное сознание! А плод такого сознания — унылые элегии в рифму. Поэту надо жить небом. И многие поэты, авторы «Сибири», не забыли об этом.

* * *

Раздел прозы журнала «Сибирь» наверняка запомнится читателю главой из романа *Михаила Щукина* «Белый голубь на колокольне». Автор описывает церковь как живой духовный объект вместе с голубем, который, словно весточка с Небес, посещает нашу землю в такой ответственный момент. Есть что-то символическое в том, что, ломая колокольню, герои романа хотят сделать на её месте склад продовольствия. Но ничего толкового у сельчан из этой затеи не получится. Господь так устроил, что без духовного возрождения мы в нашей стране никогда не сможем накормить себя досыта. Придут ли коммунисты с грандиозными планами, будут соблазнять обеспеченной жизнью современные рыночники — всё без толку! Не может наш народ постоянно «быть в тонусе» на одном материальном интересе... Он хорош только в духовно сплочённой социальной группе с одними нравственными правилами.

Что сейчас представляет из себя сообщество под названием Россия, ярко демонстрирует писатель *Сергей Козлов* в рассказе «Обычная история». Прочитав рассказ про школьника Сёму и его друзей, делаешь для себя вывод: в наше время разумен и как-то объясним только сам прогресс, который даёт обеспеченным людям все возможности для развития. Необъяснима цель такой жизни. Для чего и куда развиваться? Чем утешить себя, кроме игрушек, развлечений и сладостей? Бесконечное соперничество тщеславий и соревнование в жестокости отношений даже в самом благополучном социальном слое не даёт никакой отрады сердцу, а только ублажает гордыню, которая от этого растёт и крепчает, чтобы мучить ещё больше.

Школьники все живут порознь, не соприкасаясь душами. Получают знания, духовно не общаясь. В этом странном мире отец говорит сыну Ване о священниках, что «пока он в автосервисе круглыми сутками батрачит, эти попоют себе, кадилом помашут — и «мерседес» в кармане. Твари!» «Воспитанный» таким образом школьник Ваня через окно стреляет из арбалета в случайно проходящего мимо священника. Раненный стрелой из арбалета священник выигрывает это противостояние с представителями нового поколения. Он прощает обидчиков. И кажется, в этот миг батюшка что-то круто изменил в сознании «стрелка» Ваня...

* * *

Статья профессора Московского государственного университета *Дмитрия Володихина* под названием «Покорители Сибири» удивила новым прочтением истории такого героического покорения. Все мы привыкли к первенству первопроходца Ермака. Оказывается, первого действительного успеха в Сибири после страш-

ного разгрома Ермака добился Иван Алексеевич Мансуров — провинциальный «выборный сын боярский». Встав во главе маленького отряда, он срубил «Обский городок» (на Оби против устья Иртыша). Узнать подробности этого исторического события будет увлекательным делом для читателей.

Удачно дополняет статью профессора Д. Володихина статья *Олега Слободчикова* «Две даты. Два взгляда». Писатель развенчивает явно надуманные, явно преувеличенные заслуги датчанина Витуса Беринга и доказывает, что открытия, приписанные Берингу, совершил русский мореплаватель Алексей Чириков. Попутно автор говорит и великих заслугах Александра Баранова. Автор желает, чтобы нынешние русские путешественники задумались над тем, что вот уже пятьсот лет что-то не так в нашей идеологии и в национальном мировоззрении. Когда-то нам должно стать совсем стыдно от того, что нами помыкают чужаки, рисуя на картах России свои имена. А устыдившись, взяться за обустройство своей страны с основательностью православных предков.

Очерк писателя *Анатолия Байбородина* о забайкальском старообрядчестве под названием «Семейский корень» ещё раз напомнил нам о бесценном опыте русского национального «способа жизни». *«Где в семье достаток, обрётённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминают донских и малороссийских казачек, а старики похожи на библейских пророков, — все так и просятся на живописные полотна».*

Когда представители этого удивительного великорусского племени появлялись на рынках Забайкалья, это была всем жителям России весточка из Древней Святой Руси, как надо жить на Русской земле и ныне.

«И ...радостно дивило... все семейские на базаре, старухи и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов... Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего».

Диву даёшься, какому лешему помешал этот фантастически удачный «проект» жизнеустройства, этот гениально угаданный истинный тип человека? Возможно, таких удивительных людей было слишком мало для большой страны, чтобы количество перешло в качество... Что ж, с первого раза не получилось. Будем терпеливы, как Иов из Ветхого Завета. И великое дело предков наших дорогих надо продолжать в новых условиях.

«Старообрядчество консервативно хранило исконную русскую культуру, крепко держась старославянских корней», — пишет автор очерка. Можно ещё добавить, что своей боговдохновенной серьёзностью и строгостью в делах веры старообрядчество сильно укрепило социальное положение русских среди других племён. Если бы не домострой, не «жесткость» религиозных скреп и обычаев, разве прошла бы русская нация так уверенно и сильно через те суровые времена, когда, образно говоря, ещё не остыли угли от языческих костров! А остывали «костры» несколько столетий. Если бы Православие не стало духовной сутью нашей жизни, мы бы не одолели свойственное другим племенам язычество и другие верования, не освоили бы огромные территории за Уралом.

Всё у истинно верующих людей было основательно: быт, хозяйство, знание природы и молитва. Именно наши бородатые предки-старообрядцы, крепко «сшитые», ладно скроенные, заложили в нас духовную крепость и коллективную волю. *«Велика роль старообрядцев в хозяйственном, этическом, эстетическом укреплении русских в Восточной Сибири»*. Из очерка Анатолия Байбородина читатели узнают интересные подробности расселения старообрядцев в Забайкальском крае. Здесь особенно убедительно показано, что осваивать наши пространства может только крепко спаянный верой и обычаями, убеждённый в своём призвании, особый народ. На него с яростью нападали «тёмные силы» зла, проникали в разум бесовские полчища, уводили то к язычеству, то к еретическим толкам и соглашениям, но жизненная основа староверов выстояла.

Когда мы сейчас (вместе с властью) мечтаем о прорыве в экономике, надо вспомнить про «надсадный труд», «воловою выносливость» семейских крестьян, работавших в экстремальных природных условиях гористой местности. Вот кто мог всё это одолеть: целину распахать, лес раскорчевать, — люди, у которых всё естественным путём «отмобилизовано» на выживание, у которых крепчайшие «тылы» в виде верующих верных жён, большого количества детей, воспитанных в старой вере, большого числа родственников. Господь их сюда и привёл...

Продолжением темы культурного развития Восточной Сибири является материал о знаменитом музее «Тальцы». Автор статьи Евгений Дёмин, на примере подобных музеев мира, говорит о способах пропаганды местной культуры, используя понятие «культурный туризм». Он рассказывает об истории посёлка Тальцы, основанного более чем через сто лет после строительства Иркутского острога.

* * *

Прочитав в четвёртом номере журнала статью *Владимира Личутина* «Последний срок» памяти Валентина Распутина, я согласился с утверждением автора о том, что *«надо пробудить русского человека, чтобы он проснулся после двухсот-летнего сна и понял, что он русского племени во всех его особенностях, чтобы вспомнил себя, полузабытого»*.

Посылал Господь к заблудшим нашим соотечественникам во спасение великих писателей и мыслителей то братьев Аксаковых, то двух гениальных Фёдоров — Тютчева с Достоевским, но осознали своё предназначение далеко не все русские люди... И в середине шестидесятых годов прошлого века появился в русской литературе ещё один посланец небес — Валентин Распутин.

Автор статьи Владимир Личутин нашёл самые верные слова об этом неповторимом явлении русского духа: *«Многое из русской жизни он запечатлел: создал характеры, судьбы, драму Русской земли, а себя забыл, иль оставил между строк...»*

Даром Небесным было слово писателя. Смотрите и вникайте, реформаторы! — это же готовая инструкция, описывающая духовное, душевное устройство русского человека. Подробно изучайте, с каким народом вы имеете дело. Попытайтесь понять, как войти в рыночный мир со своими «архаичными социальными системами» и с русским менталитетом, как органично вписаться в новый технологический уклад и другой образ жизни с нашей божественной системой ценностей.

Поучительна для читателей история жизни иркутского общественного деятеля *Анатолия Сосунова*. Материал под общим заголовком «В небесах отгорели зарницы» посвящён столетию комсомола. Читатель увидит, как в сибирских есте-

ственных условиях среди множества «сорняков», то есть заблуждений и ложных теорий, возникали ростки нового человека — настоящего гражданина, с которым связаны все наши надежды по развитию России. В этом материале всё необычно: форма — публицистический коллаж, сочетание воспоминаний и переписки с друзьями, живописный портрет героя. И содержание — целый пласт иркутской жизни нескольких эпох.

Философ В.В. Бибихин настаивал, что философия есть основа культуры. Анатолий Сосунов — яркий пример человека социального, начавшего нашу многострадальную «перестройку» конца восьмидесятых годов, в то же время противоречивого, с философским сумбуром в голове. (Впрочем, это было свойственно и многим из нас.) В число его духовных учителей на равных правах попали Иисус Христос и последователь антихристианского учения Агни-Йога художник Николай Рерих. Эту эклектику мышления отмечал и писатель Анатолий Байборodin: *«Ярко пишет о славянстве Сосунов, лишь смутно, невнятно, о каком Творце идёт речь, потому что Иисус Христос не поминается, ибо если говорится не о Христе, воплощённом в неразлитной и неслиянной Святой Троице (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), то значит говорится о князе тьмы, что кощунственно поименован «Творцом».*

А потом Сосунов уповает на горбачёвскую «социалистическую перестройку», которая якобы привела бы к некому «социализму с человеческим лицом», а социализм, значит, — марксизм-ленинизм и атеизм, что всегда может перерасти в богоборчество...

Нам сейчас яснее видно, почему не прижились многие ростки нового человека, которого олицетворял Анатолий Сосунов, отважный борец с преступностью, борец за экологию, общественный деятель, журналист. Для более плодотворной работы с людьми ему нужна была более крепкая идейная основа.

* * *

В разделе «критика» редакция журнала поместила статью, которую давно ждали многие читатели, у кого остались нормальные здоровые чувства к своей Родине. Сколько томов написано и прочитано нами о Солженицыне. А статья *Владимира Крупина* под названием «Не собственно-прямая речь» как поток свежего воздуха после душной атмосферы политических спекуляций вокруг СССР и лжи вокруг ГУЛАГа! В статье дано точное определение тому, что многие из нас чувствовали, но не сумели раньше сформулировать. Например, что этот нобелевский лауреат — *«явление более социально-политическое, нежели литературное».* Я думаю, эти и другие выводы Крупина в статье разойдутся на цитаты. В нормальном вменяемом русском литературоведении они станут крылатыми.

Крупин очень верно заметил, что писатель в мировой литературе останется, а вот для русской — *необходима ещё художественность и духовность...* Я бы уточнил, что *художественность* нам всем, воспитанным на великой русской литературе, нужна именно отечественная, классическая и народная. Образцом здесь служит Пушкин: и красота, и гармония, любовь к родине и к людям — всё у поэта едино и не противоречит друг другу.

У критиков, несчастных детей постмодернизма, «художественность» — самоценная вещь, изобретённая в «тёмных лабораториях» их эгоцентризма исключительно для собственного личного пользования и развлечения привилегированных

слоёв населения. В любых формах и видах эта «художественность» должна показывать независимость творца от общества, от политики, от общенациональных задач. На практике же это означает полную зависимость от своей «стаи свободных художников», от политических взглядов и кошелька богатых спонсоров. Они до того «по-рабски независимы» от всего, кроме денег, что в ряды критиков проникла самая настоящая коррупция*. Теперь «художественность» можно просто купить вместе с положительной рецензией и публикацией.

Писатель Александр Солженицын — представитель другой крайности постмодернизма. Он пожертвовал классической художественностью ради политики. *«Запад выветрил из писателя художника!»* Метко сказано! Но и у любого писателя с его ранимостью и чуткостью ко всему редко получается быть полезным политиком. Художник с гордыней непомерной, если обидится на кого-то или «заболеет» вредными идеями, становится опасен для любого общества проявлениями необузданного потока своего сознания. В Интернете есть видео речи Солженицына в Нью-Йорке, где он призывает США ударить по СССР ядерным оружием!..

Крупин даёт верную оценку тому духовному повороту, который Российская империя, царская и народная, совершила на рубеже двух веков — девятнадцатого и двадцатого.

* * *

22 мая 2018 года в музее Валентина Распутина состоялась презентация барельефа писателя работы Аркадия и Наталии Лодяновых. Об искусстве этих художников рассказывает в журнале *Юрий Баранов*. Но это не отчёт, а увлекательный рассказ со множеством ярких фактов их творческой биографии.

Раздел *«Книжная лавка»* представлен в журнале обзором предыдущего номера *«Сибири»*. Автору этих строк было что рассказать читателям. А им, в свою очередь, над чем поразмышлять.

Раздел пародий под названием *«Сумочка к ребру»* обещает много смеха и улыбок. Но вопреки мнению Маркса, смеясь, мы не будем расставаться со своим прошлым, которое запечатлено в стихах и прозе журнала, а будем осмысливать его и использовать как духовный опыт в дальнейшей жизни.

*Яранцев В. На разнице потенциалов // День и ночь. 2017. № 6. С. 171; Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать — М.: Весь мир, 2001. С. 349.